

А.А. Синдеев (Институт Европы РАН)

**ИСТОКИ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
А.А. ГРОМЫКО И МОСКОВСКИЙ ДОГОВОР 1970 г.**

Аннотация. В статье проанализирована роль А.А. Громыко в подготовке и в заключении Советским Союзом договора с Федеративной Республикой Германия в 1970 г. Автор показал, с какими сложностями пришлось столкнуться министру иностранных дел СССР как со стороны советского руководства, так и со стороны западногерманских партнеров, чтобы добиться практических результатов, ведущих к изменению официальной позиции ФРГ в отношении послевоенных границ. Статья основана на немецких источниках.

Ключевые слова: *Московский договор 1970 г., Брежнев, Громыко, Брандт, Бар.*

Работа над системой обеспечения европейской безопасности до сих пор не завершена, а значит юбилейные даты, связанные с ее строительством, служат хорошим поводом проанализировать достигнутое.

Московский договор между СССР и ФРГ был подписан 12 августа 1970 г. Этому способствовал целый комплекс внутривнутриполитических и внешнеполитических предпосылок и причин. Косыгинская реформа, несмотря на официально декларируемые успехи восьмой пятилетки, принесла рост в экономике менее ожидаемого. Продолжавшаяся урбанизация сделала приоритетным учет потребностей советских граждан в повышении уровня жизни, поскольку иначе под угрозу была бы поставлена конкурентоспособность социалистической модели. Научная организация труда, довольно модное понятие того времени, и очередной этап научно-технической революции потребовали не только внимательного изучения зарубежного опыта, но и притока валютных средств, которые можно было получить благодаря интенсификации внешней торговли.

Стремление социалистических стран к самостоятельности, вызванное среди прочего необходимостью иметь свободу рук в управлении и контроле над процессом улучшения благосостояния собственных обществ, побуждали СССР искать новые инструменты сплочения. «Чехословацкий вариант» 1968 г. должен был стать крайней мерой и исключением в советской политике. Неслучайно инициатива проведения конференции по безопасности в Европе приобрела дополнительный смысл: в случае успеха она позволила бы создать максимально благоприятные рамки для продолжения социалистических реформ, допустив без угрозы влиянию СССР некоторые автономные шаги соцстран, а в случае провала – сплотить бывших сторонников самостоятельности возле СССР, который из-за нежелания стран Запада равноправно сотрудничать с социалистическими странами сослался бы на необходимость мобилизации внутренних ресурсов. В любом случае наблюдалось бы, как рассуждали некоторые инициаторы конференции, укрепление лагеря социализма.

Ядерные потенциалы противоборствовавших блоков в целом были выравнены, хотя задача их дальнейшей модернизации оставалась нерешенной. В тех условиях малые и средние страны Запада осознали возможность снизить значение супердержав в мировых делах. Тем более советская дипломатия официально поддерживала идею конференции по безопасности в Европе не как конференцию между блоками, а как конференцию между суверенными державами. Акцент на безопасность, с точки зрения западных дипломатов, относившихся с недоверием к инициативе соцстран, обеспечивал признание «доктрины Брежнева» и «цементирование» роли Советского Союза в социалистическом сообществе. Однако этого, считали они, можно было бы не допустить, если, к примеру, в ходе подготовки конференции выделить «германский вопрос» из списка потенциально обсуждаемых,

поскольку он формально касался только союзных держав-победительниц Второй мировой войны, и указать на то, что улучшение отношений между СССР, социалистическими странами и Федеративной Республикой будет способствовать успеху конференции. В результате был бы создан прецедент многовариантного и многостороннего урегулирования с ФРГ, который при желании можно было бы использовать в окончательном решении «германского вопроса», например, через отсылку к имевшимся договорным обязательствам и учету интересов держав, подписавших их. Правда, это потребовало бы и включения так называемых гуманитарных вопросов в разряд обсуждаемых на конференции.

В Западной Германии социал-демократы и их лидер В. Брандт приобретали популярность среди избирателей и особенно среди молодежи. Их приход к власти практически не вызывал сомнений, а многочисленные сигналы, посылаемые социал-демократами, свидетельствовали о готовности руководства партии пойти на нормализацию отношений с социалистическими странами. Казалось, что СССР осталось лишь найти устраивающий его формат. Тогда с именем Л.И. Брежнева стал бы ассоциироваться важный внешнеполитический успех, а его авторитет и авторитет страны укрепились бы. Число активных игроков в германской политике Советского Союза стало возрастать. Ю.В. Андропов настоял на установлении без привлечения МИДа СССР тайного контакта между Л.И. Брежневым и В. Брандтом [5], одним из последствий которого явилась личная заинтересованность Л.И. Брежнева в успехе советско-западногерманского урегулирования.

Ю.А. Квицинский, непосредственный участник тех событий, вспоминал: «Брандт предупредил Л.И. Брежнева, что без удовлетворительного решения Берлинского вопроса бундестаг ратифицировать этот договор не будет... Главными [для нас] являлись Московский договор и слом аденауэровской политики на непризнание итогов Второй мировой войны. У нас тогда некоторые полагали, что можно ради этого и пожертвовать Западным Берлином, отдав его ФРГ за Московский договор. Соответственно они настраивали и Брежнева...» [4, С. 177].

Впрочем, ситуация для А.А. Громыко была еще сложнее: если генеральный секретарь хотел сближения с ФРГ, то в Политбюро ЦК КПСС имелись и противники подобных контактов. Проблемы А.А. Громыко на переговорах они наверняка расценили бы в качестве подтверждения правильности своей позиции.

Министру иностранных дел СССР А.А. Громыко, с одной стороны, пришлось настаивать на возвращении под контроль МИДа германского направления. Тем более он курировал его сам. С другой стороны, смириться с тем, что начало переговоров с западногерманскими партнерами будет крайне неблагоприятным, потому что с учетом их предыстории и тайной дипломатии МИД СССР оказывался обреченным на успех. Ведь неудача могла интерпретироваться как слабость министра или даже как обида на попытку исключить его из подготовительного процесса. Следует заметить, что инициатива Ю.В. Андропова была высказана после встречи А.А. Громыко и В. Брандта в Нью-Йорке в 1968 г., то есть в партийной логике должна была расцениваться как акт недоверия министру и МИДу, работавшим в плановом режиме на германском направлении [см. о плановой работе МИДа: 11]¹.

Принципиальное отличие позиции А.А. Громыко от менее профессиональной точки зрения Л.И. Брежнева, по всей видимости, заключалось в том, что для министра переговоры с ФРГ представляли собой очередной этап решения «германского вопроса» в контексте

---

1 Поэтому не могу согласиться с А.М. Филитовым в вопросе о роли и самостоятельности сторонников и противников сближения с ФРГ в советском МИДе. «Что касается СССР, то здесь можно говорить о более или менее чётко обозначенном и постоянном противостоянии между сторонниками жесткой идеи о "двух немецких нациях" типа В.С. Семёнова... и Петра Абрасимова (посол СССР в ГДР в 1962–1971 гг.), с одной стороны, и сторонниками более гибкого направления, с другой, наиболее ярким представителем которого был В.М. Фалин, занимавший в 1968–1971 гг. пост заведующего Третьим Европейским отделом МИД СССР», – писал А.М. Филитов [11, С. 134–135]. Точку зрения В.М. Фалина см.: [9].

попыток выработать договор о европейской безопасности и зафиксировать четкие обязательства по разоружению [3; 8]. Он считал неверным не учитывать прошлые внешнеполитические наработки и подходы [см. подробнее о роли А.А. Громыко в становлении советских подходов в «германском вопросе»: 7]. К тому же начало автономного советско-западногерманского примирения было бы нежелательным как из-за повышения значимости ФРГ и обострения отношений с ГДР, так и по причине ликвидации взаимосвязи между германской и разоруженческой проблемами.

Исходя из этого, предстояло наметить принципиальные уступки со стороны Западной Германии и добиться хотя бы одной из них, что означало сначала привычное утверждение плана и стратегии переговоров Политбюро ЦК КПСС, а затем – усиленное вовлечение руководства страны в их ход [см. анализ «Директив к переговорам с ФРГ об отказе от применения силы» от 3 декабря 1969 г.: 10, С. 296-297, 300]. Для А.А. Громыко это предопределило личное участие и особо тщательную подготовку МИДом каждого этапа, в том числе недопущение разногласия, за чем внимательно следили немецкие партнеры.

21-22 августа 1969 г. в Москве находилась делегация СДПГ. В ходе бесед с советскими визитами ее члены увидели «целый ряд отличий в тоне», из чего у них формировалась убежденность, что с СССР получится договориться и добиться учета собственной позиции. А.А. Громыко был осторожнее, или как писали немцы – «подчеркнуто осторожен», и говорил исключительно «о потенциальных возможностях», которые открываются для обеих стран и то при условии признания ФРГ послевоенных европейских границ. Правда одновременно, помня о заинтересованности руководства страны, он был вынужден смягчать воздействие своих слов, что также было отмечено немцами. «Это не означает, – резюмировал министр, – что сегодня нельзя ничего сделать» [12, С. 1003].

Во время августовских бесед стало понятно, что Министерство иностранных дел СССР смогло до «Директив к переговорам с ФРГ об отказе от применения силы» согласовать с руководством страны в качестве так называемых красных линий. Во-первых, тезис об учете Западной Германией «реального положения в Европе», так как его упоминали все без исключения советские участники. Во-вторых, важность признания границ и, в первую очередь, между ФРГ и ГДР, ГДР и Польшей. В-третьих, взаимозависимость отказа от применения силы, за что фактически и ратовала западногерманская сторона и чем она была бы удовлетворена, и вопроса границ. В-четвертых, иерархию приоритетов. Несмотря на важность сотрудничества в экономике, науке и культуре не следовало выдвигать их на передний план, поскольку, как заметил А.А. Громыко, немецкая сторона также заинтересована в их развитии.

В связи с этим не стоит, думается, преувеличивать роль встречи 22 сентября 1969 г. между А.А. Громыко и В. Брандтом в Нью-Йорке, как это подчас делается в некоторых работах коллег. Она не содержала ничего нового за исключением осторожного сигнала советского министра, заметившего в контексте возможных уступок ФРГ и конференции по безопасности в Европе: «Это принесет пользу» [12, С. 1059]. Подобный сигнал, несколько затруднявший дальнейшую советскую стратегию ведения переговоров, служит дополнительным доказательством того давления со стороны Л.И. Брежнева и Политбюро ЦК КПСС, под которым находился А.А. Громыко, поскольку иначе сложно объяснить отход министра от привычного для него переговорного стиля.

После избрания В. Брандта канцлером постепенно для ФРГ оформилась и стратегия ведения переговоров с Советским Союзом. Сначала речь шла о зондирующих встречах западногерманского посла в Москве, потом должен был последовать приезд в советскую столицу статс-секретаря Э. Бара (СДПГ), а затем, при необходимости, и министра иностранных дел В. Шееля (СвДП). Причем на каждом из этапов представители ФРГ допускали для себя корректировку результатов. А.А. Громыко и МИДу СССР оставалось предъявлять красные линии и в качестве угрозы не исключать безрезультатного завершения

переговоров; последнее, впрочем, не вводило западных немцев в заблуждение.

8 декабря 1969 г. посол ФРГ в Москве Г. Аллардт сообщал после встречи с А.А. Громыко в Бонн, что СССР будет настаивать на международном признании ГДР [12, С. 1386-1388]. 10 декабря Г. Аллардт получил поручение министра иностранных дел ФРГ В. Шееля проинформировать советского министра о том, что Федеративная Республика хотела бы обсудить с СССР, в первую очередь, отказ от применения силы [12, С. 1396], что позволило бы западногерманской стороне рассматривать результаты переговоров как возможность заключения аналогичных соглашений с другими социалистическими странами и как условие для продолжения работы по размыванию «доктрины Брежнева». Неслучайно В. Шеель писал в Москву: «Общей целью должно стать достижение посредством переговоров между Востоком и Западом улучшения безопасности всех европейских стран» [12, С. 1397]. Добавление «всех» помогло бы ФРГ устанавливать, несмотря на заверения, адресованные советской стороне, контакты в области безопасности со странами социалистического лагеря.

11 декабря 1969 г. А.А. Громыко озвучил послу максимальный список требований СССР к Федеративной Республике [12, С. 1405-1410], в который были включены вопрос признания границ и их нерушимости вместе с признанием того, что Западный Берлин не является частью ФРГ; равное представительство обоих германских государств в международных организациях; повторное обязательство не иметь атомного оружия; требование отхода от концепции представительства всех немцев. На основании услышанного Г. Аллардт сделал вывод, что СССР де-факто и де-юре хочет закрепить отказ от объединения.

К 8 января 1970 г. западногерманским МИДом была сформулирована стратегия ведения переговоров для Э. Бара, который не должен был «ни в коем случае» помогать укреплению роли Советского Союза «в отношении Германии как целого» и его институционализации в качестве «поручителя всего Варшавского пакта для политического общения с Федеративной Республикой Германия, а также в качестве гаранта всех границ» [13, С. 15]. Рекомендовалось не обсуждать берлинский комплекс и не делать уступок. Последующий ход переговоров Э. Бара с А.А. Громыко свидетельствовал о том, что статс-секретарь, не рискуя среди прочего подвести В. Брандта, с которым находился в дружеских отношениях, тщательно следовал полученным инструкциям. Открытыми пока остаются вопросы, была ли советская разведка в курсе данных инструкций и был ли извещен А.А. Громыко.

На некоторых любопытных сюжетах двусторонних переговоров, промежуточные результаты которых были согласованы к 20-22 мая 1970 г., имеет смысл остановиться подробнее. 30 января и 10 февраля 1970 г. Э. Бар пытался парировать тезис А.А. Громыко об учете реальностей указанием на то, что реальностей, в принципе, много, а отказ от применения силы способен «в последующие месяцы» обеспечить прогресс в других проблемных комплексах [13, С. 105-106, 222]. Тем более главное ведь, утверждал Э. Бар, – это статус-кво: он – основа безопасности, а против статус-кво ФРГ не выступает [13, С. 106]. Идеологии, по мнению статс-секретаря, могут быть любые.

А.А. Громыко в свою очередь настаивал на том, что Потсдамская конференция окончательно решила вопрос о границах. Мирный договор с Германией лишь подтвердит принятые там решения. Министр иностранных дел СССР обратил внимание на слабую, с его точки зрения, аргументацию ФРГ: Какие принципы международного права, – спрашивал он Э. Бара, – не применимы к ГДР? [13, С. 116].

3 февраля 1970 г. произошло неожиданное для западных немцев событие. А.А. Громыко вдруг заявил, что границы могут быть политическими и юридическими. Первые – это реально существующие, но не закрепленные в правовых документах; наличие вторых, наоборот, признано юридически. Участники Потсдамской конференции, говорил министр, не делали различий между двумя видами границ [13, С. 148]. Опасность такого подхода состояла в том, что, если западные немцы стали бы развивать данную линию, то могли бы

привести в качестве аргумента иные, невыгодные советской стороне, политические реалии, которые надлежало бы также постфактум признать юридически.

Однако они не стали этого делать, поскольку полученный результат их, по всей видимости, устраивал. 6 февраля 1970 г. Э. Бар написал министру иностранных дел ФРГ В. Шеелю: нужно и дальше поднимать планку, потому что возможно завершение переговоров без признания ГДР [13, С. 174]. 11 февраля Г. Аллардт констатировал, что советская сторона близка к согласию на «малое решение», то есть без признания [13, С. 224]. 10 февраля Э. Бар внес принципиальное для ФРГ предложение об учете заключенных ранее договоров и соглашений, в том числе Североатлантического пакта и договоров по европейской интеграции [13, С. 197], и оно затем было принято советскими переговорщиками. Спустя некоторое время было получено согласие советской стороны на письмо ФРГ с оговоркой, касающейся немецкого единства.

Дальнейшая работа пошла в плановом режиме и прибывший в конце июля в Москву В. Шеель смог озвучить очередной пакет просьб-требований ФРГ. На некоторые уступки СССР пришлось пойти.

В итоге появился известный текст Московского договора, в основном тексте которого стороны «рассматрива[ли] поддержание международного мира и достижение разрядки напряженности в качестве важной цели своей политики», «выра[зили] стремление содействовать нормализации обстановки в Европе и развитию мирных отношений между всеми европейскими государствами, исходя при этом из существующего в этом районе действительного положения», обязались «руководствоваться в своих взаимных отношениях, а также в вопросах обеспечения европейской и международной безопасности целями и принципами, сформулированными в Уставе Организации Объединенных Наций» и «воздерживаться, согласно статье 2 Устава [ООН], от угрозы силой или ее применения». ФРГ признала принцип сохранения мира через сохранение современных границ. Обе стороны взяли «на себя обязательство неукоснительно соблюдать территориальную целостность всех государств в Европе в их нынешних границах», заявили об отсутствии территориальных претензий и об отказе от их выдвигания, а также о том, что «[о]ни рассматривают как нерушимые сейчас и в будущем границы всех государств в Европе, как они проходят на день подписания настоящего Договора, в том числе линию Одер-Нейсе...» [2].

Значение Московского договора довольно противоречиво [см. другую интерпретацию: 6]. Это видно, к примеру, из воспоминаний того же Ю.А. Квицинского, который полагал, что договор способствовал «провалу» расчетов Запада на то, что Советский Союз удастся выкинуть из Восточной Европы и пересмотреть итоги Второй мировой войны в свою пользу» [4, С. 176], но признавал и другое: «ГДР была главной опорой наших позиций в Европе... после заключения Московского договора и соглашения по Западному Берлину эта опора начала быстро расшатываться... сближение с Западной Германией после Московского договора не могло не открывать путей для еще более быстрого и широкого сближения между двумя германскими государствами» [4, С. 178-179; ср.: 10, С. 299-300].

То, что является бесспорным, – так это роль министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в заключении данного договора в условиях, которые были далеки от идеальных. А.А. Громыко доказал необходимость отстаивать государственные интересы, следовать континуитету во внешней политике и добился практического результата, в том числе и с помощью «Договоренности о намерениях», приложенной к договору.

Его сын Анатолий Андреевич Громыко вспоминал об одном из разговоров с отцом: «Самым большим личным успехом я считаю, – сказал Андрей Андреевич, – закрепление в договорном порядке послевоенных границ в Европе. Думаю, что эти границы сохранятся. Конечно, с годами могут произойти некоторые изменения... Целостная и сильная Польша – вот, если хочешь, результат Московского договора с ФРГ в 1970 году и затем, в 1975 году, Хельсинкских соглашений... Закрепление границ ГДР, появление на немецкой земле двух

государств – это громадное историческое завоевание. Да, нашим друзьям в ГДР было тяжело утверждать социалистическую государственность, но без договора с ФРГ и без Хельсинки это было бы делать еще сложнее. Закрепление и незыблемость границ в Европе, если хочешь, это основной результат моей деятельности на посту министра иностранных дел» [1, С. 82-83].

В иных условиях А.А. Громыко наверняка смог бы рассчитывать на бóльший успех. Сомневаюсь, чтобы он, без весомых уступок, со стороны западных немцев пошел бы на повышение значимости ФРГ в Европе. Однако министру пришлось учитывать не только противостоящую ему дипломатическую команду во главе с министром В. Шеелем, но и давление со стороны советского партаппарата и лично Л.И. Брежнева. Конечно, Э. Бар – талантливый дипломат, но его едва ли можно назвать архитектором Московского договора. Речь для западногерманской стороны должна идти о работе слаженной команды, где Э. Бар был важным, но не единственным членом.

А.А. Громыко же пришлось действовать на партийных верхах практически в одиночку. Благодаря этому Московский договор 1970 г. приобрел в настоящее время значение, которое советский министр иностранных дел, думается, и не предполагал: он заложил основу внешнеполитической концепции «лидерство через конструктивное посредничество», которую реализует современная Россия.

Библиография:

1. Громыко Анатолий. Андрей Громыко: Полет его стрелы (воспоминания и размышления сына). – М.: Научная книга, 2009. – 444 с.
2. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германией (Московский договор), 12 августа 1970 г. // https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0017_mos&l=ru&object=translation (дата обращения: 15 января 2020 года).
3. Егорова Н.И. История холодной войны, 1945-1991 гг.: Учеб. пособие. – Владимир: Изд-во Владим. гос. университета, 2011. – 244 с.
4. Квицинский Ю.А. О политике, человеке и части нашей истории // «Война между государствами – великое зло»: к 110-летию А.А. Громыко / Под общ. ред. Ал.А. Громыко. – М.: Весь мир, 2019. – С. 171-184.
5. Кеворков В. Тайный канал. – М.: Гея, 1997. – 318 с.
6. Павлов Н.В. Архитектор Московского договора // «Война между государствами – великое зло»: к 110-летию А.А. Громыко / Под общ. ред. Ал.А. Громыко. – М.: Весь мир, 2019. – С. 256-267.
7. Синдеев А.А. «Дипломатические университеты» Андрея Андреевича Громыко // «Война между государствами – великое зло»: к 110-летию А.А. Громыко / Под общ. ред. Ал.А. Громыко. – М.: Весь мир, 2019. – С. 332-374.
8. Синдеев А.А. Истоки европейской безопасности: советские инициативы в сфере разоружения (1954-1955 гг.) // Россия и мир: диалоги. 2017. Материалы международной научно-практической конференции, 24 апреля 2017 г., РАНХиГС при Президенте РФ. – М.: Издательский дом "Научная библиотека", 2017. – С. 155-168.
9. Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. – М.: Центрполиграф, 1999. – 456 с.
10. Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941-1990. – М.: Наука, 2009. – 333 с.
11. Филитов А.М. СССР и «новая восточная политика» ФРГ // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – № 3. – С. 123-140.
12. Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1969 / Schwarz H.-P. (Hg.) u.a. – Berlin; Boston; München: Oldenbourg Verlag, 2000. – Bd. I, II. – 1684 S.

13. Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1970 / Schwarz H.-P. (Hg.) u.a. – Berlin; Boston; München: Oldenbourg Verlag, 2001. – Bd. I, II. – 1660 S.

Опубликовано: Личность и общество в историческом процессе: сборник статей. Междунар. науч.-практ. конф., 9-10 апреля 2020 года / под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. Рязань: Book Jet, 2020. – С. 97-106. – ISBN 978-5-6044003-9-5.